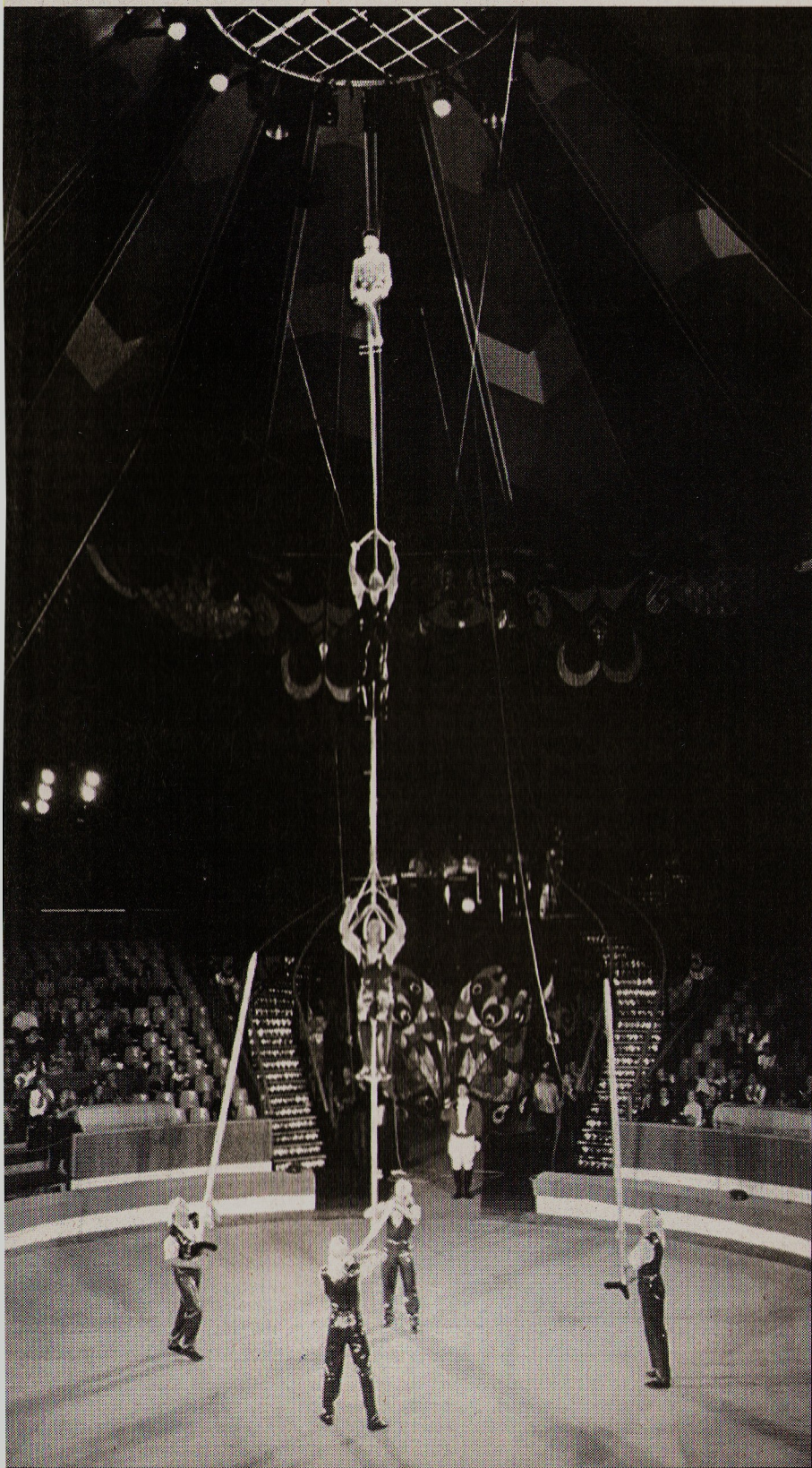

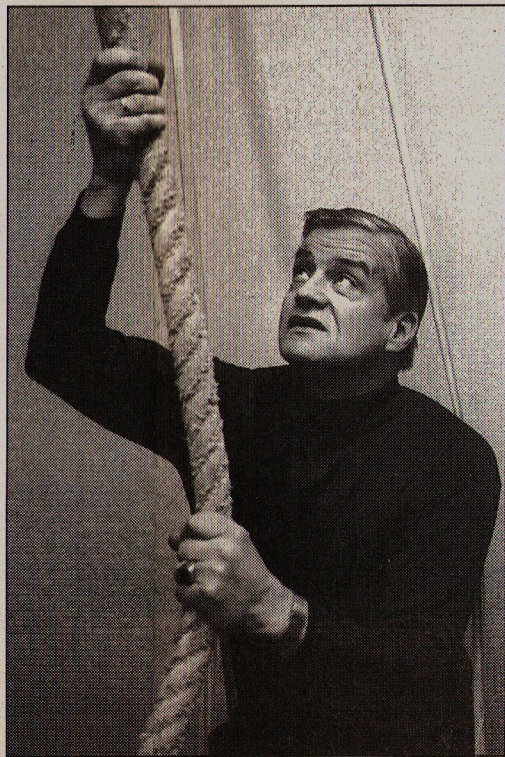
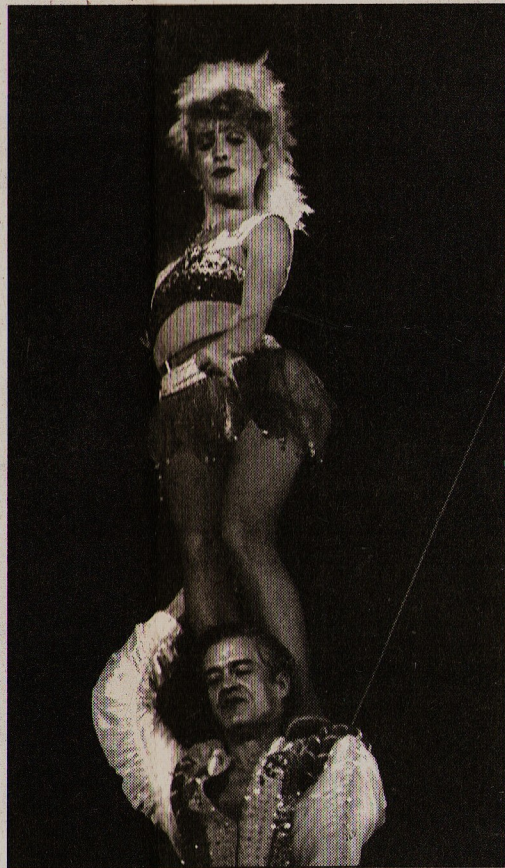
Культура. — 2002. — 11-10 апр. — с. 12

Надежда на чертову дюжину

Тройной баланс Алексея Сарача

На арене — «Рекордсмены мира».

А.Сарач

Как-то посчастливилось мне побывать на цирковом представлении в Твери. Два уникальных номера включала программа: «Суматранские тигры», дрессировщика Николая Павленко, о котором «Культура» уже писала дважды и который получил Государственную премию, и совсем новый для меня номер эквилибристов с першами под руководством Алексея Сарача — «Рекордсмены мира» (тройной баланс). Этот баланс — действительно до сих пор непревзойденный на арене рекорд. Потрясающий номер, поражающий красотой композиции, легкостью, с которой действуют артисты, пластичностью, изяществом движений, красивой музыкой, привлекательными костюмами.

Прекрасно понимая, что описать словами захватывающее цирковое зрелище практически невозможно, попытаюсь в самых общих чертах дать о нем представление. Предельно короткие сведения (ликбез): эквилибристы на першах — один из старейших в цирке жанров, существующий чуть ли не тысячелетие. Перш — длинный шест, в прошлые времена — деревянный, а затем трансформированный в облегченный металлический. С помощью перша артисты исполняют трюки, сохраняя при этом равновесие.

Итак, «Рекордсмены» на арене. В центре манежа — человек. На плечах его — двухметровый перш с вершинной площадкой, на которую взгромоздятся партнер с таким же точно першем, только этот «этаж» (второй баланс) предназначен уже для самого хозяина номера — Алексея Сарача; а он уже на вершине перша достраивает конструкцию, обеспечивая «плацдарм» «хозяйке дома», Татьяне Сарач. Это она, выполняя сложные трюки, ставит на этой огромной высоте последнюю точку рекордного тройного баланса эквилибристов.

После премьеры за кулисами мы долго беседовали с главным «зачинщиком» «Рекордсменов» о номере, о трудностях, о каторжном труде цирковых артистов, о том, как умудриться прятать его от публики. Меня заинтересовал этот человек, мы сдружились с ним. И потом не раз беседовали. Романтик, мечтатель, любящий поэзию, которая всерьез, едва ли не до двадцатилетнего возраста виделась ему жизненной дорогой. А в музыкальную образность в его представлении укладывается вся окружающая действительность. И при этом профессия, которой он отдает себя безраздельно, сполна, требует абсолютной точности расчета, скрупулезной выверенности действий, движений. Почему такой рывок: от поэзии к сугубо цирковой специфике, напрочь исключаящей

малейшую неточность? Почему арене отдано предпочтение?

— Ничего особенного. Как все мальчишки, мои сверстники, спортом увлекался с детских лет. В чем только не пытался отличиться! Больше всего преуспел в плавании. Настолько старался, что достиг чемпионского уровня и до того осмелел, что, увидев однажды афишу о конкурсе в «Цирке на воде», дерзнул попробовать свои силы. Прошел первый тур, второй — и меня приняли, как отличного пловца. Вот так и окончилась моя музыкально-поэтическая карьера. Каков-то время увлеченно занимался этим, даже руководил группой «Цирк на воде». А потом уже пришла вторая профессия, ставшая основной (ужасно трудная и опасная! — М.И.). Правда, несостоявшаяся мечта осталась при мне, и все еще тешу себя надеждой создать в своем жанре номер, в котором поэзия и музыка не составляли бы лишь звучащий фон, а раскрыли бы эмоционально-смысловой образный строй, содержание действия. Очень серьезное значение я придаю взаимоотношениям с публикой. На мой взгляд, существует две формы общения исполнителя со зрителями — обслуга и единомыслие. И когда ощущаешь присутствие в зрительном зале своих единомышленников, ты испытываешь величайшее счастье, вдохновение, получаешь истинное художественное удовлетворение. Этого стоит каторжная работа. И, конечно, стараешься, сколько можно, обогатить зрелище, усовершенствовать его. Цирк — искусство древнее, придумать что-то новое здесь крайне трудно. Между прочим, в цирке авторские права не существуют: свободно заимствуют, повторяют кем-то ранее придуманное, а самые недобросовестные не только «берут на вооружение», но даже выдают за свое. На наш тройной баланс пока не посягали посторонние и не посягают, потому что слишком трудны наши авторские фантазии. А мы продолжаем эксперименты — замахнулись на четвертый баланс, пробуем помаленечку подобраться. В нынешние времена сидеть сложа руки, упиваться своими достижениями невозможно. Артистам, особенно цирковым, приходится приспосабливаться к новой жизни, к новым «правилам игры». Стало, несомненно, намного труднее. Прошла благодатная пора (прошу прощения, что с сожалением вспоминаю доперестроечное прошлое). Тогда пропагандисты во все трубы голосили о наших несравненных успехах: лучше всех, впереди всех, самые передовые в науке, в хозяйстве, в политике, в экономике, в искусстве. Цирку, в частности, государство отпускало большие сум-

мы, поэтому тогда и осуществлялись крупные цирковые представления, впечатляющие композиции. Никто в мире, кроме артистов советской державы, не располагал так свободно высокими государственными дотациями. Нам, артистам, надлежало лишь усердствовать в творчестве: готовить номера, оттачивать их, выходить на манеж и демонстрировать свое мастерство. Вы заметили, сейчас цирковые программы стали мельче, больших, заметных полотен совсем почти нет — скудность средств сковывает, групповым номерам трудно выжить. Вот и бьемся из последних сил, часто на энтузиазме живем. Работаем на перспективу, потому что сейчас нет ощущения, что кто-то озабочен твоей судьбой, заинтересован в твоём творчестве. Я говорю в данном случае не о зрителях, не о тех, кто получает удовольствие от зрелищ на манеже и ждет наших выступлений. Вот и живем самостоятельно, тешим себя своими мечтами, надеемся. Мы уже привыкли терпеть и надеяться...

Очевидно, и в самом деле привыкли. Даже самое страшное сумели пережить, когда случилась катастрофа на репетиции в Рижском цирке: оборвалась лонжа, и Алексей Сарач рухнул с огромной высоты. Семь серьезных переломов получил. А через два месяца с небольшим он уже снова был на манеже.

— Все можно преодолеть, побороть, — убежден Алексей Сарач. Одно лишь препятствие пока оказывается не под силу. Судите сами: наш тройной баланс, признанный рекордным во всем мире, ошеломительный различными призами на конкурсных состязаниях, лауреатским «золотом» и «серебром», уже тринадцать лет не видит столичных арен...

Недавно команда Сарача гремела в Мюнхене — там проходили месячные гастроли «Рекордсменов». Успех огромный, неистовый «браво» буквально сотрясают манеж. А ведь уезжал Сарач в крайне тревожном состоянии: за несколько часов один из артистов отказался от поездки, и гастроли оказались на грани срыва. Слава Богу, обошлось: нашлась замена. Может быть, мюнхенский успех сделает возможным их выступление в Москве спустя 13 лет? Может быть, именно столько и надо было ждать «Рекордсменам» (ведь в цирке 13 — счастливое число, 13 метров, как известно, составляет диаметр арены во всех цирках мира), чтобы наступил для них московский звездный час?

Мариам ИГНАТЬЕВА

Фото
Ольги ШПАКОВСКОЙ
и Ирины КАЛЕДИНОЙ